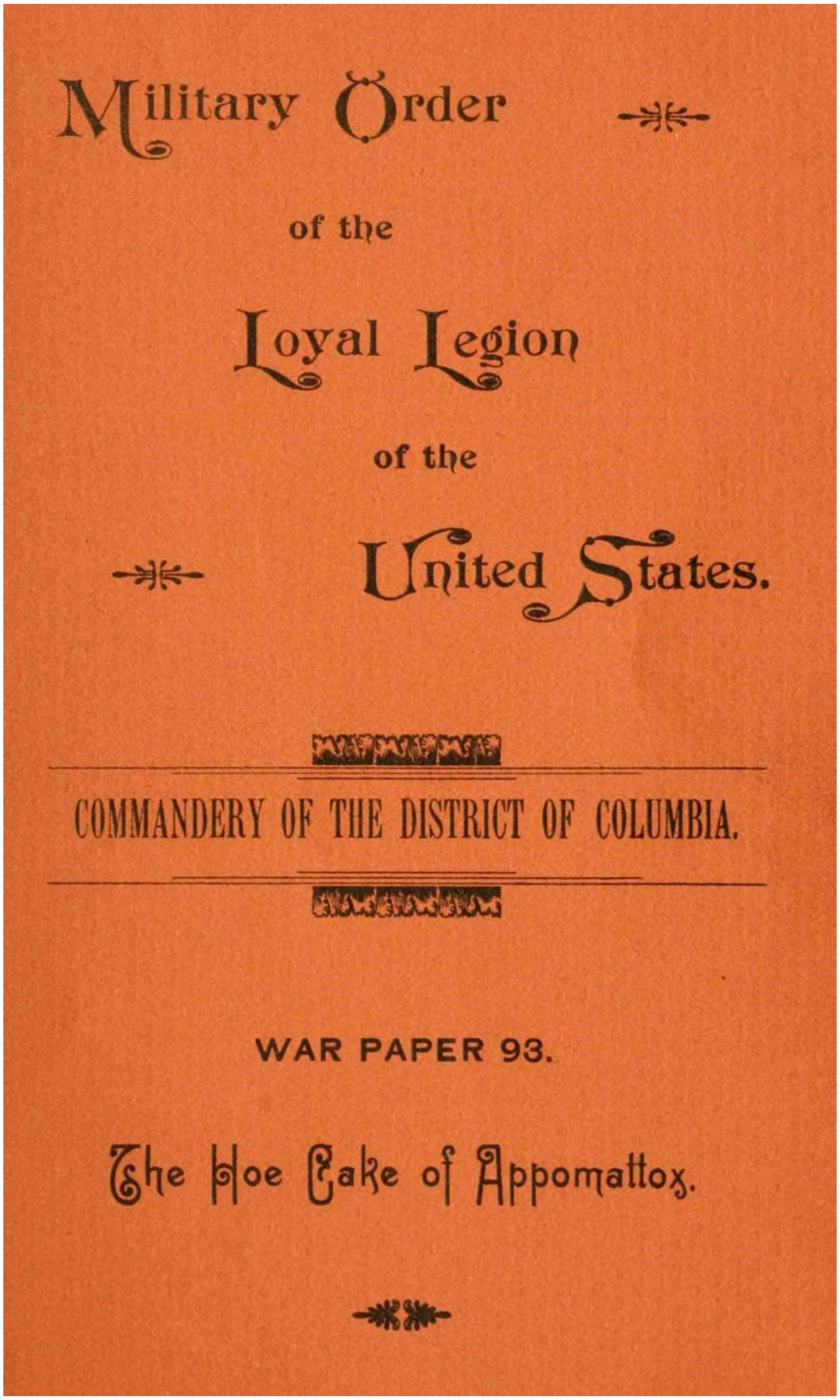
Мотыжный пирог из Аппоматокса

Эллис Спир



Military Order

of the

Loyal Legion

of the

United States.

COMMANDERY OF THE DISTRICT OF COLUMBIA.

WAR PAPER 93.

The Hoe Cake of Appomattox.

Электронная книга проекта " Гутенберг" Мотыжный пирог из Аппоматокса

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Мотыжный пирог из Аппоматоксом

Автор: Эллис Спир

Дата выхода: 29 мая 2023 [Электронная книга №70880]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: США: издатель не указан. смотрите постоянную ссылку на локализацию ниже, 1913 год

Авторы: Шарлин Тейлор, Дональд Каммингс и команда онлайн-корректоров по адресу https://www.pgdp.net (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА " МОТЫЖНЫЙ ПИРОГ Из АППОМАТТОКСА" ***

Military Order of the Loyal Legion

OF THE

United States.

COMMANDERY OF THE DISTRICT OF COLUMBIA.

WAR PAPER

93

The Hoe Cake of Appomattox.

BY

ELLIS SPEAR,

Compan on Brevet Brigadier-General. U. S. Volunteers.

READ AT THE STATED MEETING OF MAY 7, 1913.

PUBLICATION DIRECTED BY THE LITERARY COMMITTEE UNDER AUTHORITY
OF ORDER OF THE COMMANDERY.

Военный орден Верного легиона Соединенных Штатов.

КОМАНДОВАНИЕ ОКРУГА КОЛУМБИЯ.

ВОЕННЫЙ ДОКУМЕНТ

93

Мотыжный пирог из Аппоматтокса.

АВТОР: ЭЛЛИС СПИР,
товарищ Бревет-бригадный генерал, добровольцы США.

ПРОЧИТАНО На УКАЗАННОМ ЗАСЕДАНИИ 7 МАЯ 1913 г.

ПУБЛИКАЦИЕЙ РУКОВОДИТ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМИТЕТ, ПОДЧИНЯЮЩИЙСЯ ОРДЕНУ КОМЕНДАТУРЫ.

Мотыжный пирог из Аппоматтокса.

Рассматривая единство того великого братства людей, которое составляло армии Соединенных Штатов в войне за поддержание правительства, и увековечивая его форму, созданную основателями, мы уделяли внимание каждому аспекту многих общих условий, которые сформировали наш общий опыт и так прочно связали нас вместе, за исключением условий социального и физического характера. Великой и прочной основой этого пожизненного товарищества, конечно же, является общая преданность и общее самопожертвование на службе стране, на существовании которых, скрытых в мирное время, но проявляющихся во время войны, основано само существование любого правительства. Эта общая преданность служению человечеству является в политическом и социальном мире тем же, чем притяжение сплоченности и притяжение гравитации являются в физическом мире. Мы в равной степени разделяли эту жертву и преданность, и нам повезло в том, что мы родились и достигли возраста, когда началась эта борьба, позволившая нам принять участие в этом великом действии, эпохе в истории. Мы не завидуем тем, кто родился с тех пор, хотя сами умрем раньше.

Но я думаю, что вам также следует рассматривать второстепенные условия физического характера как заслуживающие упоминания и не лишенные эффекта в товарищеских

отношениях, которые связывают нас вместе.Мы носили обычную форму, и за эти четыре года мода не изменилась. Каждый парень выглядел как все остальные. Сходство доходило даже до того, что внешность человека зависела от использования мыла и воды, которые в те годы были не всегда в изобилии. Большую часть времени мы жили в одном доме, просторном, хорошо проветриваемом, скудно обставленном и без крыши над головой. У всех нас было одинаковое воспитание и образованность, в которых “Правильное лицо”, “Левое лицо” и “Каким ты был” были знакомыми заповедями, которым нельзя было ослушаться без порицания или наказания. Мы все были мальчиками, когда пошли в эту школу, некоторые из них были в таком нежном возрасте, что теперь нам не стоит ставить их командовать взводом суфражисток. Все мы были мальчиками из одного класса и в одной школе. Мы спали в одной постели, на коленях у матери-земли, и обедали за одним столом, также обычно на коленях у матери-земли. Строгая и похвальная беспристрастность проявлялась и в распределении еды. Роскошь была неизвестна, за исключением случаев, когда из-за дефицита предметы первой необходимости становились роскошью, но мы одинаково разделяли изобилие и нужду. Мы могли бы сказать, слегка перефразировав, как три брата в песне:

Мы трое будем братьями

Ради одного благого дела;

Том вздыхает,

Билл шморгает,

И я чавкаю.

Из всех этих распространенных состояний диета произвела на меня наибольшее впечатление. Я предполагаю, что это называлось пайками из-за их иррациональной и непригодной природы и болезненного единообразия.

Кто изобрел армейский паек с 1861 по 1865 год, к счастью для его репутации, неизвестно. Вероятно, он был каким-нибудь выдающимся комиссаром, и его работы жили после него много лет. Ему следовало бы поставить памятник среди неизвестных мертвецов, построенный из камня, наиболее приближенного по качеству и форме к сухарям, и увенчанный мраморной глыбой, вырезанной в виде куска ржавой соленой свинины.

В период становления армии, когда мы создавали роты и набирали солдат не зеленее нас самих, я часто удивлялся тому требованию армейского устава, которое касалось зубов новобранца. Было объяснено, что новобранцу необходим хороший набор зубов из-за необходимости откусывать кончик бумажного картриджа, но для этого, как оказалось, требовались только передние зубы, хотя правила включали весь набор, и при откусывании картриджей нельзя было использовать шлифовальные станки. Но когда мы миновали район рекрутских казарм и раннюю стадию производства мягкого хлеба, и когда появилось это замечательное творение кулинарного искусства, известное как армейский крекер, тайна необходимости зубов была полностью разгадана. Затем оказалось, что людей отбирали не за храбрость или выносливость, которые невозможно было проверить, а за хороших точильщиков, и теперь удивительно, что нашлось достаточно людей, чтобы подавить восстание, с зубами, способными справиться с армейской каторжной работой.

Изучал ли кто-нибудь из товарищей эту статью геологически? Это было твердое вещество, в этом не было сомнений. Это не была слоистая порода. Он был однородным и аморфным, за исключением тех случаев, когда был червивым. Он не походил ни на что в растительном, животном или минеральном царстве, за исключением кирпича. Он был негибким, неэластичным, непробиваемым и неперевариваемым, не подходил ни для желудка, ни для кишечника и был приспособлен, за исключением формы, лучше в качестве брони.

Действительно, сообщалось о случаях, хотя, возможно, и не в официальных отчетах, когда ранец солдата останавливал пулю противника, и это, пожалуй, единственные случаи, когда было обнаружено, что каторжный снаряд спас жизнь. Хорошо известно, что армейский мул не стал бы его есть, и это еще одно доказательство высокого интеллекта этого благородного животного, без постоянной помощи которого восстание никогда бы не было подавлено.

Я осознаю, что, делая это заявление, в котором я, по-видимому, приписываю подавление восстания армейскому мулу, я нарушаю утверждения, впоследствии сделанные некоторыми офицерами, которые говорили еще со времен войны, в частности, тем знаменитым квартирмейстером, чьи рассказы побудили его маленького сына серьезно спросить: “Папа, кто-нибудь помогал тебе подавлять восстание?”

На самом деле мы все помогали, но у добровольцев первой обязанностью было прожевать или, по крайней мере, сократить рацион до пригодного для жевания состояния. Пробовали замачивать в воде, но это было слишком медленно. Дневной рацион требовал замачивания за день до этого. Кто-нибудь из товарищей помнит, как он булькал на сковороде, смазанной жиром?

Но тот же самый гений, который изобрел сухари, должно быть, изобрел и другой основной элемент рациона - ржавую соленую свинину, адскую смесь животного жира с хлоридом натрия, в которой преобладал хлорид, сочетание самых дешевых минералов с самыми низменными животными, проржавевшую от времени и жары климата.

Я говорю о кофе с уважением. Это была не “Смесь Явы и мокко”. Вы помните, как мужчины несли его на марше? Сумка снабжена съемной подкладкой из рюкзака. Молотый кофе и коричневый сахар, хорошо перемешанные, образовали плотный шарик, удерживаемый на дне под фиксирующим узлом, завязанным в самой сумке. Кастрюлей служила хорошо помятая жестяная банка, и в ней смесь варилась до тех пор, пока не был извлечен последний процент кофеина, а жидкая и твердая части не превратились в равную и однородную смесь. Затем произошло это чудо одновременного охлаждения, отстаивания и разбавления небольшим количеством прохладной воды, вылитой сверху. Какой источник жизни мы пили из этой текущей чаши, успокаивающей уставшие мышцы и больные ноги.

Это правда, что наш рацион питания не всегда отличался одинаковым однообразием. В июле 1863 года в Уоппинг-Хайтс, в том месте, которое мужчины называли “Мелассный перевал”, мы отказались от этих обычных пайков, и наш рацион стал более разнообразным и скудным. Поставщик моей столовой, который отвечал за мою ведущую лошадь, и сопутствующие поставки поймали тощую старую утку. На ужин нам предложили несколько кусочков свекольных листьев с вытоптанного огорода и полгорсти крошек от крекеров из его перевернутого вещевого мешка, воду, кусочки утки без соли, все плохо сваренное.

Прошло несколько лет, прежде чем мой желудок снова смог принять утку.

Позже в тот же день у нас была горсть черники. На следующий день, возвращаясь из бреши, бригада чуть не развалилась на куски на старом поле с ежевикой. Позже в тот же день тощий, потрепанный дорогой бычок был принесен в жертву, быстро расчленен и передан еще теплым для запекания в дыму. Как сказал доктор Джонсон о говядине с Гебридских островов, ее “плохо хранили, плохо убивали, плохо разделывали, плохо готовили и плохо подавали”. Слишком жесткая для разжевывания, ее можно было бы мелко нарезать и проглотить.Ночью на пикете был ливень, воспользовавшись которым несколько моих людей украли улей с медом. Обезумев от голода, я съел, кажется, пару фунтов, гребень, личинок и все такое, и тут меня охватило гнетущее сомнение, что, возможно, пчелиный воск не усваивается организмом. Но я хорошо выспался, хотя и промок, после дня, в течение которого еда, скудная, но разнообразная, состояла из черники, ежевики, жесткой говядины и меда, подаваемых последовательно.

Но я говорю бессвязно. Война закончилась при Аппоматтоксе, достигнув кульминации как в военном, так и в диетическом смысле.

Кульминация диеты заключалась в том, что после того, как мы сбежали из наших фургонов со свининой и сухарями, в течение двух дней у нас ничего не было, и этот факт подготовил меня к разочарованию.

Позже, после капитуляции, в Аппоматтоксе наступило некоторое облегчение, и, пока мы ждали некоторых заключительных деталей, некоторых из нас пригласили пообедать с семьей, живущей там. Чтобы показать, что у нас нет никаких обид, мы приняли приглашение и пополнили наш рацион. Мы приготовили соленую свинину и кофе, а семье - цыпленка, чудом сохранившегося для такого случая. Были также горячие бисквиты. Консолидированной провизии было недостаточно, чтобы раздать полные порции, но пряжки наших поясов были затянуты в последнюю дырочку, и, будучи гостями, мы сдерживали свои аппетиты. От горячего печенья у нас остался приятный вкус во рту. Позже я получил еще одно облегчение в очереди в магазине. 12 апреля 1865 года мы покинули дом Аппоматоксов и не очень торопливо направились обратно в Петербург. Теперь не было такого повода для спешки, как тогда, когда мы подошли, никакого повода, кроме нехватки пайков, а нехватка пайков не поощряет спешку. Наши лошади были в таком же изможденном состоянии и не проявляли склонности к бешеному галопированию. В то утро на мою долю выпало ехать впереди колонны с единственным ординарцем, и около полудня мы набрели на одинокую негритянскую лачугу на опушке леса. В передней (и единственной) двери стоял один из освобожденных.

Почувствовав расположение к общению при виде человека, неожиданно оказавшегося на этой дороге, я дружески обратился к ней, но опустил обычную предварительную тему для начала разговора с незнакомцами. Я не думал ни о погоде, ни о капитуляции, ни о состоянии страны в целом, ни о цветной расе в частности. Я перешел прямо к самому важному вопросу в мире на тот момент, причем с моей точки зрения. У нее было что-нибудь поесть? Ни внешний вид дома, ни женщина не напоминали о доме Дельмонико, но это меня не остановило. Я не ожидал рагу из морской черепахи или ростбифа. Подобные вещи стерлись из памяти моего желудка, хотя ученые говорят нам, что память о запахах - самое острое и постоянное из всех чувств. Я сомневаюсь, что в то время я узнал бы запах ростбифа, если бы он витал в атмосфере. В поведении пожилой женщины чувствовалась мучительная нерешительность, но в конце концов она призналась, что у нее есть пирог с мотыги. Пирог с мотыги! Открытие Америки было менее важным событием (для санитара и для меня), и крик “Земля” взволновал моряков Колумба не

больше, чем объявление о ”пироге с мотыги" последователям Гранта по этому случаю. Женщина на мгновение исчезла, а затем предъявила товар. Это было почти в пределах моей досягаемости. Я боюсь, что немедленные переговоры были поспешными с моей стороны. У нее был уголок на рынке. Насколько нам было известно, не существовало стандарта цен на хоу-кейк, и, несомненно, проницательная старая мамушка понимала ситуацию и наши потребности. Я не помню подробностей переговоров. В моем стремлении обезопасить торт детали заслоняются важностью результата. То ли цена была назначена женщиной, то ли я предложил все деньги, которые у меня были, сейчас мне неясно. Вероятно, было последнее. Во всяком случае, согласованная цена составляла четверть доллара - этого, как я впоследствии предположил, было достаточно, чтобы купить в то время целый бушель кукурузы. По милости всевластного Провидения и вопреки всей вероятности, эта четверть досталась мне. Это были размеры моих финансовых активов, и я был на грани ликвидации. Но что из этого? Выбор между голодной смертью и банкротством вскоре сделан. Фактически, он был сделан сам собой. Четвертак, конечно, был из разряда золотых монет, единственной валюты в те дни. Как мы, к нашему сожалению, знали, он обесценился, а "мотыжный" пирог подорожал. Но я заплатил больше четверти, самого важного имущества, которым я когда-либо владел. Я оправдываю это заявление перед недоверчивыми товарищами. Что могло бы произойти в отсутствие этого? Вероятно, это спасло меня от преступления в виде грабежа на большой дороге, кражи со взломом или даже убийства, в зависимости от упрямства и сопротивления со стороны недавно освобожденных, отказывающихся отдать торт без компенсации. Но я приобрел ее с честью, по честной сделке и по цене продавца, хотя, возможно, как мне теперь приходит в голову, она была напугана присутствием превосходящей вооруженной силы. Но она так не выглядела, и я отметаю это недостойное предположение. У нее была монополия, и она пользовалась ею умеренно, яркий, хотя и скромный пример, который, я надеюсь, заставит Джона Д., Дж. П. Моргана и Арморс устыдиться самих себя, когда они прочтут эту историю; и я, со своей стороны, горжусь тем, что регистрирую эту сделку как опровержение необоснованных обвинений в том, что солдаты с обеих сторон во время Гражданской войны воровали цыплят и другие съедобные продукты.

Мне кажется, что я слышу, как какой-нибудь любознательный товарищ или даже обычный гражданский после всей этой суеты, которую я поднял из-за пирога с мотыги, спрашивает, какого он был размера. На этот вопрос нельзя ответить так просто. Размеры относительны, и нельзя ожидать, что я точно их измерил. Если бы я вставил эту деталь, это, по мнению недоброжелательного критика (а такие есть среди обычных гражданских лиц, упомянутых выше, а иногда и среди старых солдат), придало бы всей истории вид невероятности. Этого я хочу избежать, поскольку я имею в виду недоверчивое отношение к другой истории, рассказанной каким-то товарищем, в которой он представляет себя лежащим зимней ночью на залитом кровью поле боя (очевидно, единственный выживший) и защищающим себя от холода мертвыми телами, по одному с каждой стороны и еще одно у его головы; и я не собираюсь в этой истории давать товарищам или другим повод процитировать мне вкрадчивое замечание: “Расскажи это морским пехотинцам”.

Но вернемся к пирогу с мотыги, от которого я так широко и неоправданно отвлекся. Как я уже говорил, размеры относительны. Мне в то время он казался больше восходящей луны, искаженной и увеличенной вечерними туманами, или, чтобы не показаться слишком поэтичным, таким же большим, как пятое колесо аккумуляторной батареи, поскольку оно кажется приклеенным сзади.

Я не хочу преувеличивать, а только адекватно выразить важность древнего продукта из кукурузы в данном случае и по мере того, как он всплывает в моей памяти. Любому пытливому уму, все еще неудовлетворенному, могу сказать, что последующие наблюдения, сделанные при обстоятельствах, более благоприятных для точного измерения, приводят меня к выводу, что вышеупомянутый пирог был около восьми дюймов в диаметре и полтора дюйма толщиной.

И все же я не придерживаюсь этих последующих наблюдений и размышлений. Этот пирог с мотыги остался в памяти моей юности как восходящая луна на востоке, в то время как я сейчас, увы! склоняюсь к закату на западе.

Но есть другое, для меня еще более важное обстоятельство, связанное с этим делом, влияющее на мою последующую историю и моральный облик, и только в качестве самого конфиденциального сообщения моим боевым товарищам я записываю его как поворотный момент в моей истории.

Я никогда прежде не испытывал такого морального напряжения или чего-либо похожего на такое напряжение, за исключением одного раза, где-то в районе Спотсильвании, штат Калифорния, когда после длительной диеты из грязи, соленой свинины, жареной или сырой, и сухарей, мой брат-офицер одолжил мне свою флягу, только что доставленную из тыла, наполненную наваристым супом. Я не выпил (как я впоследствии опасался) всего, что мог бы; но затем он встал передо мной с настороженным видом. Здесь я полностью контролировал ситуацию. Я с гордостью могу сказать, что даже на том позднем этапе войны у меня сохранилось моральное чувство в отношении собственности и особенно в отношении гостеприимства, и я поделился с санитаром, вероятно, таким же голодным, как и я. Но как я поделился? В равной степени, несмотря на разницу в ранге и факт владения. Мой добрый ангел, должно быть, был со мной. Несмотря на звериный аппетит и на то, что пирог был круглым, я разломила его на квадраты.

Успех в этом суровом испытании позволил мне все эти последующие годы честно делиться со своими собратьями. Возможно, я не всегда это делала, но когда на мою долю выпало разрезать пирог, я вспомнила этот пирог с мотыги.

Что касается еды, я не заметил санитара. Я был слишком занят своей половиной. Можно с уверенностью предположить, что он съел свою. Конечно, к торту не прилагалось никаких напитков. Это было простое измельчение и пережевывание, но полученный вкус может быть понят только тем, кто испытывал этот процесс в схожих условиях, а именно: голод и пирог с мотыги. В нем ощущалась неземная сладость индийской кукурузы, аромат солнечного света и матери-земли, соседства дуба и сосны, сассафраса и полевых цветов, объединенных в тонкую химию природы. Я Флетчеризовался перед Флетчером и с сожалением посмотрел на последний фрагмент. Я также усвоил тот важный урок, что удовольствие от еды больше зависит от аппетита, чем от диеты.

Примечания переписчика:

Пунктуационные и орфографические неточности были автоматически исправлены.

Сохранено архаичное и изменчивое написание.